

Эхо прошлого пульс настоящего

После Чернобыля казалось, что для нашей страны тема атомной энергии закрыта навсегда. Но прошло время, и свершилось историческое: пять лет назад у нас заработала собственная атомная электростанция. Это событие стало поворотным моментом, символом возрождения и технологического прорыва.

За этим грандиозным проектом стоит стратегическое решение и личное участие Президента Беларуси Александра Лукашенко. Именно глава государства инициировал строительство АЭС, курировал каждый этап. Это было смелое и дальновидное решение, требующее не только политической воли, но и глубокого понимания будущего страны. В атомной энергетике Президент видит ключ к энергетической независимости, технологическому суверенитету и экономическому росту.

О прошлом и настоящем мирного атома с «БД» поделились художник, атомщик и депутат парламента.

«Чернобыль не отпускал меня почти 10 лет»

Заслуженному деятелю искусств Беларуси Виктору Барабанцеву в этом году исполнится 79. Из них почти 60 лет он старательно создает художественный образ родной земли - через портреты, пейзажи и анимализм. Виктор Кириллович уже объездил с выставками полмира, а с мольбертом - всю страну. И только одна творческая командировка разделила его жизнь на до и после. Это было в апреле 1987-го, через год после аварии на ЧАЭС.

- Нам, молодым художникам, предложили поехать в Брагинский район - сделать зарисовки с натуры. Вызвалось пятеро, я в том числе: заго-релись идеей побывать в отселенных деревнях, - рассказывает Виктор Барабанцев.

В дорогу собирались буднично: в чемоданы сложили одежду, блокноты для зарисовок, этюдники. Взяли на пятерых один фотоаппарат. О том, что защита от

радиации все же понадобится, узнали только в Брагине, когда получили на всех пачку марлевых повязок.

- Об облучении мы не думали. Человек так устроен: замечает только опасность, которую видит глазами. Пожара или цунами мы испугались бы, а радиация не видна - чего бояться?! - пожимает плечами художник.

Вспоминает, как встретил колоритного тракториста по фамилии Заяц на поле рядом с заброшенной деревней. Его единственной защитой от радиации была марлевая повязка, потемневшая от пыли. На почти пустых улицах Брагина, где в основном оставались ликвидаторы, Виктор Барабанцев увидел даже детей. Два мальчика: один старше, другой младше. Оба запечатлены в его зарисовках, на картине «Потерянные дети» - особенном для Виктора Кирилловича произведении из чернобыльского цикла. Он хранил этот холст у себя около 30 лет, пока не передал в музей истории города Гомеля.

Самое сильное впечатление на мастеров кисти произвели оставленные людьми деревни. Поразительно тихие и пустые - ни птиц, ни зверей. Кругом буйствовали чертополох и сирень.

- Весна, все цветет, а там неубранные сады и огороды, пустые дома. Мы заходили в хаты и понимали: хозяева были уверены, что скоро вернутся домой. Собирались наспех, брали только необходимое, - вспоминает Виктор Кириллович. - Но колодцы накрыли брезентом, на который положили доски крест-накрест. Видимо, посчитали, что так вода останется чистой до их возвращения.

Наброски, выполненные в Брагинском районе, послужили основой для картин, выставка которых стала событием в культурной жизни БССР. О ней писали в газетах, молодых художников хвалили критики. Однако Виктору Барабанцеву не удалось прочувствовать вкус славы: произошло то, что он называет личным Чернобылем.

- Тогда я впервые задумался о настоящих ценностях, - говорит художник. -

В отселенных деревнях увидел то, что шло вразрез с моей прежней философией. Спасаясь от радиации, люди оставляли абсолютно все нажитое. Значит, в жизни не богатства важны. А что тогда? Чернобыль не отпускал меня почти 10 лет.

Двух паломнических недель в Жировичском монастыре хватило, чтобы прийти к простому выводу: люди - не боги, человеческая цивилизация хрупка и ее надо беречь.

Президент Беларуси Александр ЛУКАШЕНКО:

«Пять лет назад, торжественно запуская в работу первую белорусскую атомную электростанцию в Островеце, страна вступила в новую эру. Сооружение АЭС не только укрепило нашу энергетическую безопасность, но и определило дальнейшее развитие Беларуси как высокотехнологичного государства. Если хотите, наличие у страны собственной атомной станции - это в определенном смысле способ обеспечения суверенитета и независимости.»

(На совещании о результатах работы БелАЭС 14 ноября 2025 года.)

За те десять лет художник создал около тридцати полотен, среди которых «Чернобыльская Мадонна», «Вызов брошен», «Пробуждение», «Тут была деревня», «Покинутый двор», «Эвакуация», «Смута», «Тривожны крик». В 2012-м «атомная» тема неожиданно получила продолжение. Узнав о начале строительства БелАЭС, Барабанцев тут же отправился в Островец с этюдником.

- Не мог не поехать: объект масштабный, уникальный в истории Беларуси. Как пропустить?! - удивляется нашему вопросу художник.

Строительство станции он считает одним из важнейших достижений страны. Загибая пальцы, Виктор Кириллович поэтически перечисляет преимущества мирного атома: доступные тарифы на электроэнергию, бум на экологичные электрокары, возможность отапливать дома электродотлами там, где пока нет газа, и доступные цены на отечественные продукты. По его мнению, во многом на этом и держится комфортная жизнь белорусов.

А ведь когда-то возведение «атомки» в нашей стране было сложно даже представить, отмечает Виктор Барабанцев. Слишком сильной оставалась память о чернобыльской аварии. Именно поэтому, когда речь зашла о строительстве собственной АЭС, Беларусь подошла к вопросу с особой тщательностью, выбирая не просто проект, а гарантию безопасности, которая могла бы развеять много-летние страхи и сомнения. Тщательностью, выбирая не просто проект, а гарантию безопасности, которая могла бы развеять много-летние страхи и сомнения. Это было своего рода исцеление от чернобыльского синдрома, демонстрация того, что страна готова смотреть в будущее, опираясь на уроки прошлого, но не позволяя им парализовать развитие. И Виктор Барабанцев как художник, чутко улавливающий пульс времени и настроения общества, не мог остаться в стороне. Для него строительство БелАЭС стало не только поводом для новых картин, но и символом преодоления и нового этапа в истории страны, который он стремился запечатлеть с той же искренностью и глубиной, что и чернобыльскую беду. Он видит в этом не только научное и инженерное достижение, но и своего рода философское осмысление пути, пройденного Беларусью: от боли и потерь к надежде и прогрессу.

«То, что случилось на ЧАЭС, у нас произойти не может»

Главный инженер Белорусской АЭС Анатолий Бондарь терпеливо отвечает на вопрос, который ему задают, кажется, уже сотый раз. Речь, конечно же, о безопасности станции. Анатолий Михайлович, обладая огромным опытом работы на атомных объектах по всему миру, уверяет: то, что произошло на Чернобыльской АЭС, на БелАЭС просто не может случиться даже в теории. Причина в том, что реакторы на нашей станции работают по совершенно другим физическим принципам. Чтобы объяснить эту разницу простыми словами, главному инженеру приходится начать издалека, вспоминая 1980-е годы, когда он сам трудился на ЧАЭС.

- Там на всех четырех энергоблоках стояли РБМК - реакторы большой мощности канальные. Изначально их

создавали для производства ядерного оружия, для наработки плутония. Чтобы перевести данный тип реактора на мирные нужды и при этом увеличить его мощность до тысячи мегаватт, требовались серьезные доработки в проекте и конструкции. Но их отложили, решив провести уже в процессе эксплуатации. К сожалению, по разным причинам это так и не было сделано вовремя, - поясняет главный инженер.

Он добавляет, что на Чернобыльской станции было как минимум три серьезных конструкторских просчета. Как показало расследование аварии, именно один из них, а не пресловутый человеческий фактор, как многие до сих пор думают, сыграл роковую роль. В конструкции системы управления защитой был такой элемент, как графитовый вытеснитель. Когда 26 апреля 1986 года оператор понял, что эксперимент на четвертом реакторе идет не по плану, он нажал кнопку «Аварийная защита». Это должно было остановить цеп-ную ядерную реакцию, но вошедший в активную зону графитовый вытеснитель спровоцировал неуправляемый разгон реактора - и произошло то, что произошло...

Новость об аварии на ЧАЭС застала Анатолия Михайловича в российском городе Балаково. В 1983 году он переехал туда, полный энтузиазма работать на атомной станции, которая строилась по совершенно новому проекту. В ее основе лежали корпусные водо-водяные энергетические реакторы (ВВЭР). Уже тогда их считали технологиями будущего, и они действительно стали прародителями реакторов, используемых на БелАЭС.

Переезд в Балаково спас Анатолию Бондарю жизнь. Если бы он остался на ЧАЭС, ему пришлось бы работать на четвертом энергоблоке. Более того, опытного инженера уже включили в смену «Д», ту самую, которая дежурила в ночь на 26 апреля 1986 года... Но судьба распорядилась иначе.

Тем не менее произошедшее в Чернобыле он и спустя 40 лет воспринимает как личную боль, ведь погибли люди, которых он считал не только коллегами, но и друзьями. Анатолий Михайлович признается, что изучил все

доступные документы об аварии, чтобы понять ее причины.

«Беларусь подошла к выбору проекта АЭС очень тщательно, можно сказать, скрупулезно»

Кстати, устранение той самой роковой конструкторской недоработки было запланировано на ЧАЭС, но так и не дождалось своего часа. Только после аварии слабые места реакторов «чернобыльского типа» исправили, и они до сих пор успешно работают. Однако в Беларуси для строительства АЭС подобные проекты вообще не рассматривали. За основу взяли реактор другого типа - водо-водяной.

- Он намного компактнее РБМК и имеет совершенно другую физику. Даже если гипотетически представить, что на БелАЭС возникла нештатная ситуация автоматика отказала, то мощность реактора не увеличится. Его физика предполагает в такой ситуации не разгон ядерной реакции, как было на ЧАЭС, а затухание благодаря обратным отрицательным связям, причем без какого-либо вмешательства операторов и автоматики, - обращает внимание главный инженер БелАЭС, подчеркивая фундаментальное отличие, которое делает современные ВВЭР принципиально безопаснее. Это, по сути, революция в подходе к ядерной энергетике: сама природа реактора работает на его безопасность, а не против нее.

Чернобыльская беда, по мнению Анатолия Бондаря, стала важным напоминанием о необходимости предельной осторожности в работе атомных электростанций по всему миру. Именно благодаря этому печальному опыту современные АЭС, включая белорусскую, теперь оснащены многоуровневыми системами безопасности.

Они призваны обеспечить защиту даже в самых непредвиденных ситуациях, вплоть до падения самолета на станцию. Беларусь подошла к выбору проекта АЭС очень тщательно, можно сказать, скрупулезно. Учитывались мнения экспертов, ученых, энергетиков. Меня тоже

спросили, и я предложил единственный, на мой взгляд, подходящий вариант - проект поколения 3+ под названием «АЭС-2006», - делится собеседник.

«На БелАЭС собрано все самое передовое, что существует в мире в области безопасности атомных электростанций»

Кстати, с этим проектом поколения 3+ Анатолий Михайлович был знаком не понаслышке еще до начала строительства БелАЭС. Он участвовал в реализации атомной станции нового поколения на Тяньваньской АЭС в Китае, которая, по сути, является прототипом белорусской.

- В плане безопасности мы даже превзошли китайский вариант. В нашем проекте предусмотрены дополнительные меры защиты, такие как СПОТы - системы пассивного отвода тепла. Они работают на основе законов физики и не требуют никакого вмешательства ни со стороны человека, ни со стороны автоматики, - детализирует Анатолий Михайлович. - Кроме того, у нас есть двойная гермооболочка и ловушка расплава активной зоны. На БелАЭС собрано все самое передовое, что существует в мире на сегодняшний день в области безопасности атомных электростанций.

Он отмечает, что некоторые недоумевают, зачем было тратить значительные средства на дополнительные системы безопасности, которые, скорее всего, никогда не понадобятся.

- Чернобыль до сих пор жив в памяти. Поэтому еще на этапе проектирования было крайне важно показать, что атомная энергетика может быть безопасной, - говорит главный инженер БелАЭС. - Да, дополнительные меры сделали станцию дороже - системы безопасности составляют до 25 % стоимости энергоблока. Но именно они гарантируют, что второго Чернобыля на нашей земле не произойдет. А эта уверенность бесценна. То, что случилось на ЧАЭС, у нас произойти не может.

Имя Анатолия Бондаря хорошо известно вередее специалистов ядерной энергетике по всему миру. В России он

пользуется непререкаемым авторитетом и имел блестящие карьерные перспективы.

Однако когда ему поступило предложение поработать в Беларуси, согласился без колебаний.

- Как я мог отказаться? Это моя родная земля, я очень хотел сюда вернуться, - улыбается Анатолий Михайлович. - К тому же прекрасно понимал, насколько важно строительство БелАЭС. Для нашей страны это создание совершенно новой отрасли. Конечно, горжусь тем, что участвую в этом историческом для Беларуси проекте, который сделал ее ядерным государством.

БелАЭС успешно функционирует уже пять лет, и этот срок достаточен для подведения первых итогов. Сегодня станция вырабатывает около 40% всей электроэнергии страны. Это позволило полностью отказаться от ее импорта, снизить зависимость от голубого топлива и сократить выбросы парниковых газов. Но самое главное - Беларусь обеспечила себя надежным источником экологически чистой и доступной энергии на десятилетия вперед, при этом сделав ее доступной для населения. Наша страна входит в тройку европейских государств с самыми низкими ценами на электроэнергию.

Следующим этапом развития энергетики станет строительство третьего энергоблока на БелАЭС. Примечательно, что в его возведении будут участвовать не только российские, но и отечественные специалисты. А это рождение новой инженерной школы, способной самостоятельно решать самые сложные задачи в атомной энергетике. И в том, что на БелАЭС продолжают применять самые современные решения и высокотехнологии, можно не сомневаться.

«Мирный атом открыл для Беларуси окно возможностей»

В апреле 1986 года Жанне Чернявской было всего 14 лет. Ее семья жила в городе Хойники, в сотне километров от Чернобыльской АЭС. Но о том, что там произошла авария, они узнали только на следующий день, и то совершенно случайно. Местных торговцев, которые 27 апреля ехали в Украину, развернули

обратно, коротко объяснив: «Реактор бахнул».

Сегодня Жанна Николаевна представляет в парламенте интересы жителей районов, наиболее пострадавших от той аварии. Она депутат от Хойникского избирательного округа № 47, председатель Постоянной комиссии по экологии и природопользованию Палаты представителей. Это значит, что уже семь лет Жанна Чернявская глубоко погружена в экологические вопросы, в том числе и развития мирного атома в нашей стране. Но, как она признается, за чернобыльской темой следит всю свою жизнь.

- Мой родной Хойникский район одним из первых в Беларуси принял на себя радиационный удар. Тогда многие предлагали оставить эти территории и не заниматься реабилитацией, но глава государства принял решение возродить их, и оно было правильным, - уверена Жанна Николаевна.

Она уточняет: да, некоторые земли никогда уже не вернутся в хозяйственный оборот - это зона отчуждения. Но в другой части пострадавших районов жизнь идет своим чередом: работают предприятия, строятся дома и квартиры, в том числе для молодых специалистов, в населенных пунктах проводят газ и электричество. Во многом это стало возможно благодаря государственным программам по преодолению последствий аварии на ЧАЭС. С 1990 года в Беларуси их реализовано уже шесть!

Все это время пострадавшие регионы развиваются с учетом своей особенности. Там по-прежнему придерживаются защитных мер в сельхозпроизводстве и лесном хозяйстве, а на перерабатывающих предприятиях сырье и готовая продукция проходят тройной контроль. Здесь, как и по всей стране, ни на день не прекращается радиационный мониторинг воздуха, поверхностных и подземных вод, почвы.

- Эта национальная сеть в Беларуси была налажена очень быстро, - подчеркивает парламентарий. - Сейчас по всей стране насчитывается 120 пунктов, в том числе и в районах воздействия атомных электростанций соседних государств. Поэтому одним из уроков аварии на ЧАЭС назвала бы более

пристальное внимание к экологической безопасности - к той среде, в которой мы все живем.

Вопрос о строительстве АЭС в нашей стране назревал давно, уверена Жанна Чернявская. И он более чем логичен. Динамично растущая белорусская экономика до строительства «атомки» испытывала острую нехватку собственного топлива и энергоресурсов. Рассчитывать на то, что ситуация изменится в лучшую сторону, не приходилось: эксперты до сих пор говорят о росте спроса

Елена КРЫЛОВА